

Я не боялся. Поначалу. Не думаю, что действительно осознавал значимость отсутствия Майи. Я был слишком поглощен эмоциями. Подруга, которая была рядом со мной большую часть года, теперь ушла. В то время я не был достаточно прагматичен, чтобы подумать о возможных последствиях этого, если случится худшее.

Неттари слишком хорошо меня понимала. — Она вернется раньше, чем ты успеешь это заметить.

С тяжелыми мыслями я вошел в поместье Ралакоса. Его слуга, высокий инфернал в парадной одежде, провел меня в гостиную. Вычурный гибрид гостиной и библиотеки, оклеенный темно-красными обоями с золотистыми узорами. Спустя несколько минут вошел еще один слуга поместья с подносом чая и сладостей. Я взял их, стараясь сохранять вежливость. За это время успел понять, что большинство инфернальных закусок слишком приторны для моего вкуса. Даже чай был заварен из корня тари, что придавало ему насыщенный вкус и густоту, словно кто-то высыпал в чашку дюжину карамелек и присыпал сахарной пудрой. Но я уже понял, что если откажусь, Ралакос предложит что-нибудь более подходящее мне по вкусу — и я застряну в бессмысленных разговорах на несколько часов дольше, чем требовалось.

— Добро пожаловать! — воскликнул Ралакос, как будто не видел меня всего несколько дней назад. Он вошел в комнату, держа под своим массивным бицепсом две книги. Под руками Ралакоса они выглядели почти как обычные книги, но когда он передал их мне, один только вес почти стащил меня со стула. Я захрипел, напрягая все свои мышцы, чтобы свалить их на диван рядом со мной. Ралакос с дружеским пылом хлопнул меня по спине, затем сел напротив, положив ноги на стол. — Неттари сказала, что у вас есть ко мне вопрос?

— Да. — Я наклонился вперед. — Надеюсь поохотиться на нескольких асмодиалов во внешних пещерах. Неттари и Кильвиус намерены поддержать меня в качестве эмиссара...

— Намерились запечатать нескольких заблудших демонов и использовать их прах в качестве дара, — сказал Ралакос, сразу всё поняв. Он постучал пальцем по своему подбородку. — Умно. Но слишком опасно.

Я усмехнулся. — Не поймите неправильно. Я был бы дураком, если бы взялся за них в одиночку. Даже если бы я был настолько безрассуден, чтобы действовать в одиночку, существует проблема их естественной устойчивости к моей стихии.

— Да, — хмыкнул Ралакос, — жаль, ведь запечатывание некоторых из этих придурковатых выскочек, несомненно, послужило бы хорошим посылом.

Я вскочил на ноги. — Вот почему я надеюсь, что вы позволите мне привлечь ваших людей. Они все равно выходят в патрули и вступают в стычки с асмодиалами. Если мы наткнемся на нескольких из них, привести план в действие будет проще простого.

Ралакос посмотрел на меня. — Вы... уверены в своих силах?

— ... В разумных пределах. По крайней мере, точно не буду обузой. Эрдос был основателем в своем обучении, хотя... ему трудно угодить. — Я нехотя признал последнюю часть. Этот инфернал был непревзойденным профессионалом, но с самого начала было ясно, что Эрдосу не нравится учить меня — больше из-за того, что он фактически нянчился с ребенком, а не размышлял, или грозно смотрел вдаль, или чем он там обычно занимался, черт возьми.

— Странно, что вы так готовы подавить восстание собственными руками. — Сказал Ралакос, его тон приобрел музыкальный оттенок, который часто появлялся, когда он изображал из себя защитника дьявола.

Я нахмурился. — Это другое.

— Как это? — спросил он.

— Вы сами сказали мне несколько месяцев назад, что демоны фактически бездушны. У них нет никакой эмпатии. Все, что они уважают, в конце концов, это сила.

— Пройдёмте со мной, хорошо? — спросил Ралакос.

Я встал и последовал за ним через дом и заднюю дверь. Мы вышли за пределы тренировочного двора и пошли по четко выверенной дорожке. В отличие от скалистой каменной площадки возле дома Неттари, камень вокруг поместья Ралакоса был вынут, а вместо него насыпана привозная дерновая земля. Перед нами, во дворе, лежал массивный серый валун шарообразной формы. Рядом с ним были тысячи, возможно, сотни тысяч черных выступов, странно похожих на...

Рога.

— Это мемориал, — тихо сказал Ралакос.

— Со времен войны? — Я сглотнул.

Инфернал сделал медленный размашистый жест. — Это следствие последней войны, когда член королевского Дома Вален решил, что целая группа существ ниже их. Ниже людей. Деми. — Он подошел к обелиску, осторожно протягивая руку, пока не нашел то, что искал. Мой сын, Ксармос, умер в тот день, как и многие другие.

И это была та проблема, с которой я постоянно сталкивался. Нас разделяла такая пропасть боли и гнева. Даже мой ближайший союзник в инфернальном правительстве носил такие глубокие раны.

— Мне жаль.

Он взмахнул рукой в мгновенном движении. — Мне не нужна жалость. Или вина. Все, чего я прошу, юный Кэрн, это преодолеть подобные мысли. Демоны — это демоны. Они, по сути, чудовища. Но большая опасность исходит от мысли, что твой враг такой же — и, что еще хуже, что он ниже тебя.

Я кивнул.

В течение следующего часа Ралакос вложил в мое обучение больше усилий, чем за предыдущие шесть месяцев вместе взятых. Он рассказал о новом способе медитации и сборе маны — используя все тело, а не просто вытягивая ее через дыхание. Поначалу это ощущалось значительно медленнее, но, по словам Ралакоса, поглощение маны через большую площадь поверхности, чем легкие, позволит со временем восстанавливать ее гораздо быстрее. Последнее, что мы рассмотрели в тот день — это концепция дополнительных элементов.

По словам Ралакоса, на этот счет существовало несколько школ мысли. Первой была концепция предопределения. Теория о том, что некоторые маги были просто выбраны для привязки к одному элементу, в то время как другие могли пробудить два, возможно, даже три. Противоположная теория гласила, что все маги обладают способностью открыть все стихии — просто скорость их развития была разной. Это означает, что в случае маловероятного сценария, при котором маг был бы бессмертным, он теоретически мог бы со временем научиться обращаться к каждой отдельной лей-линии. Для инферналов второе пробуждение чаще всего происходило внутри святилища, хотя из этого правила часто бывали исключения.

Все это казалось важной информацией, но ничто из этого не проливало свет на мою конкретную ситуацию. Ни мои родители, ни их предки не обладали магией, так что это не было связано с родословной. Сера, конечно, была исключением, но предполагаю, что это, скорее всего, связано с ее материнской родословной, чем с нашей общей кровью. В прошлой жизни я был сожжен особым видом магии, которая обычно была расовой, а затем каким-то образом приобрел ее в следующей.

Я спросил Ралакоса, что он думает о чудовищных исследованиях Бариона: попытках пробудить магию при помощи обнажения и страданий. Он нахмурился, сказав, что считает саму идею недопустимой.

— Концепция дырявой души настолько же возмутительна, насколько и устарела. — Ралакос покачал головой. — Когда мы рождаемся, наши души чисты. Когда умираем, души испорчены. Между жизнями чистая арканная энергия восстанавливает душу — называйте это богом, или дьяволом, или как угодно еще, но она не делает идеальную работу. Остаточная магия, оставшаяся после очистки души, является источником проявления элементов.

Я сел немного прямее. — И вы знаете это наверняка?

— Нет. Это все теория. Практически философия. Теоретически возможно ли разрушить душу, пока она не станет достаточно дырявой, оставив больше места для проявления магии? Возможно. Но для этого потребуется бесчисленное количество повторений; мы уже знаем, относительно точно, что большинство душ существуют тысячи, если не сотни тысяч лет.

Сострадание — естественная часть жизни. Для такого человека, как Барион, верить в то, что он способен причинить достаточно страданий, чтобы насильно повредить душу — это нечто большее, чем высокомерие: это чистой воды нарциссизм.

Внезапный всплеск паранойи постепенно исчез, и я немного расслабился, услышав его ответ. Это к лучшему, что Барион ошибся. Если бы он был прав, это изменило бы ситуацию для меня так, что я не уверен, был бы готов к подобному. В голове мелькнул образ того, как я подвергаю себя воздействию различных заклинаний, снова и снова, вплоть до смерти, только для того, чтобы попытаться обрести больше силы. Это заставило меня содрогнуться.

Первое пробуждение было самым легким. Обычно оно происходило в течение первых пятидесяти лет жизни мага. Второе было гораздо труднее, и если оно случалось, то обычно происходило в пределах святилища. И третье случалось у двух-трех процентов магов, обычно в последние десять лет жизни мага. В святилище была горстка магов — древних инферналов, отошедших от обычной жизни и достигших четвертого пробуждения, что Ралакос считал еще одним аргументом в поддержку темпов роста.

Ралакос, должно быть, передал мои намерения Эрдосу, потому что его пограничное мрачное настроение перешло в область практически невыносимого. В последующие недели он подгонял меня все сильнее, и мне редко удавалось покинуть тренировочный двор в состоянии хотя бы поднять руки над головой.

Боевой стиль инферналов основывался на ударах по болевым точкам и вскрытии вен. Эрдос буквально вбивал в меня эти понятия, до тех пор пока я не мог двигаться. Его стремление наказать меня становилось еще более очевидным по сравнению с тем, как Джорра уходил практически невредимым, а я хромал или, в худшие дни, опирался на него в качестве опоры.

Именно с такими мыслями мы ждали его во дворе. Я медитировал, пытаюсь восстановить часть маны, которую потерял, работая над плетением заклинаний ранее этим утром, и тут наконец появился Эрдос. С первого мгновения происходящее показалось мне необычным, поскольку он был не один. Вместе с ним вошла красная инфернал-подросток, одетая в простую черную тогу.

Она выглядела примерно на мой возраст. Выше Джорры, но немного ниже меня. Очевидно, она была в каком-то родстве с Эрдосом. У нее было такое же суровое лицо и плотно сжатый рот. Инфернал прошла мимо нас, даже не потрудившись признать наше существование, достала из стойки изогнутый тренировочный меч и начала выполнять сложное ката, которого я никогда раньше не видел. Движения были плавными, как будто она тренировалась на протяжении всей своей жизни. Строгое лицо и абсолютная сосредоточенность напомнили мне Аннет, хотя в мизинце этой девушки было больше физической силы, чем во всем теле Аннет.

Джорра резко вскочил на ноги, его лицо омрачилось тревогой.

— Ты узнал ее? — спросил я.

— Белларекс, — пробормотал Джорра, — дочь Эрдоса. Говорят, она родилась с мечом в руке. Перерезала себе путь из утробы матери.

Я рассмеялся, но лицо Джорры оставалось мрачным. — Однажды я видел, как она сражалась с фиолетовым инферналом, на фестивальной ярмарке. Со взрослым инферналом. Он был сильно избит, но дело даже не в этом, она его сокрушила.

Эрдос подошел к нам, и мы встали. Возможно, это было лишь мое воображение, но сегодня его лицо выглядело чрезвычайно зловещим. Он заговорил своим раздражающим носовым тоном.

— Доброе утро, дети. — Сказал Эрдос.

Мы оба встали. — Доброе утро, мастер Эрдос.

— Мне стало известно, что через несколько дней я возьму с собой в небольшую экспедицию нашего королевского гостя. — Эрдос скривил губы. — Очевидно, это не мой личный выбор, но, к сожалению, это решение не в моей власти. Однако мне удалось заставить Ралакоса одуматься в одном конкретном вопросе. — Он по-волчьи улыбнулся, и мне вдруг очень захотелось оказаться где-нибудь в другом месте. — Чтобы определить, будет ли принц Кэрн бесполезным грузом, справедливый господин согласился на испытание.

— И что это за испытание, мастер Эрдос? — Я слегка поерзал на своем месте.

— Все просто. Я даже дам вам преимущество. Двое на одного. Все, что нужно сделать, чтобы пройти тест, это попасть по этой слабой девушке. — Он указал на место, где стояла Белларекс, но ее там уже не было. Позади меня раздался шепот ветра и внезапная вспышка опасности. Я бросился в сторону, деревянный тренировочный меч вонзился в землю там, где я стоял всего несколько мгновений назад.

Грязь разлетелась, когда Белларекс выдернула меч из земли и закружилась, тело превратилось в пятно, а деревянный меч со свистом устремился к моей шее.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2442289>